

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 323.12

В.А. Ачкасова, О.И. Трохинова

СЕТЕВЫЕ СРЕДСТВА ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ ПРИЗЫВОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

Статья выполнена в рамках гранта РНФ «Кривое зеркало» конфликта: роль сетевых дискуссий в репрезентации и динамике этнополитических конфликтов в России и за рубежом», № 16-18-10125.

В статье основное внимание уделяется коммуникативным средствам мобилизации в сетевом пространстве. В комплексе этих средств особое место занимают призывы, которые выполняют роль пропагандистского инструмента в межэтнических противостояниях. Авторы, применяя в исследовании методы кейс-стади и разработанную ими методику интент-анализа, идентифицируют призывы из общей массы сетевых посланий, осуществляют их классификацию, вычленивают образы врага, содержащиеся в призывах. Одной из решаемых задач является определение роли призывов в эскалации межэтнического напряжения. В результате проведенного исследования обосновано положение, что призывы способствуют формированию устойчивого и сложившегося образа врага, ускоряют процесс генерализации установок, усиливают эскалацию агрессивности.

Ключевые слова: призыв; мобилизация; межэтнический конфликт; Twitter; интенция; интент-анализ.

Введение

Этнополитическая и религиозная ситуация, складывающаяся в различных регионах мира, является в настоящее время едва ли не самым конфликтогенным фактором общественного развития. Более того, исследователи считают, что к концу текущего десятилетия следует ожидать значительной эскалации противоречий межэтнического и межконфессионального характера, поскольку уже в ближайшее время весьма вероятно повсеместное распространение экстремизма и международного терроризма, если, конечно, консолидация усилий ведущих мировых держав в борьбе с этой угрозой не станет устойчивой тенденцией. Нарастанию напряженности во многом способствуют миграционные процессы, волнообразно прокатывающиеся практически по всему миру. Этнические конфликты, как сопровождающие эти процессы, так и возникающие «автономно», острота дискурса, затрагивающего темы этнического статуса и межэтнических отношений, – все эти реалии обозначили появление нового феномена, именуемого политизацией этничности: этническое становится одним из главных факторов, определяя деятельность большинства политических субъектов – государства, политических партий и движений, политических элит.

Научная традиция исследования этнополитических конфликтов сложилась во второй половине XX в. благодаря исследованиям американских политических социологов П. Ван ден Берга, Э. Блэка, М. Паренти, Дж. Ротшильда и ряда других. Именно тогда произошли обособление рассматриваемой проблематики и появление этнополитологии – нового научного направления, базирующегося на комплексе методов политической, социологической, психологической и других наук. Несмотря на различия в трактовке природы этничности, большинство исследователей сходятся во мнении, что «основными показателями возникновения этнополитического конфликта являются сплочение этнической группы, бросающей

вызов другим, и сила и единство руководства ею», а степень идентичности группы зависит от таких параметров, как владение общим языком, общая конфессиональность, расовые признаки и общая история по меньшей мере столетнего периода [1].

Осознание идентичности, организация конкретных действий становятся результатом процесса этнической мобилизации. Одно из наиболее релевантных определений этнополитической мобилизации дает американский исследователь Милтон Эсман: «Это процесс, посредством которого этническая общность политизируется во имя ее коллективных интересов и устремлений и затем организуется в качестве коллективного субъекта, обладающего ресурсами для осуществления политических действий» [2].

В результате осмысления процессов этнополитической мобилизации и разворачивающихся этнических противостояний ряд авторов в конце 1990-х гг. ввел в лексикон термин «этническая революция», понимаемый, правда, весьма широко – как «сложный процесс вторичного разогревания этногенеза, изменения социально-экономической и культурной моделей, задающих матрицы воспроизводства этнических сообществ» [3].

С течением времени стало понятно, что указанный термин обладает объяснительным потенциалом в отношении большинства этнополитических явлений: дискредитация концепции мультикультурализма, репрезентации своих установок и целей (часто в крайне агрессивной форме) этническими сообществами, появление этнических движений, заявляющих о своих властных амбициях, – все это приводит к мысли о возможности трактовать этническую революцию как результат этнополитической мобилизации, как усилия этносов по перераспределению власти.

Для осуществления такого перераспределения, подчеркивал один из родоначальников этнополитологии Дж. Ротшильд, необходимы ресурсы, без которых в принципе невозможно достижение целей этнополитических движений. Эти ресурсы складываются из

экономических, политических и идеологических инструментов, позволяющих этническим группам решать поставленные задачи [4. С. 128].

2010-е гг. привнесли в содержание ресурсного потенциала существенную особенность: этнополитический дискурс отвоевал себе значительный сегмент в Интернете, а сетевая коммуникация стала обязательным условием разворачивания этнических конфликтов. В результате оформился новый актуальный предмет изучения – выявление в сетевом пространстве коммуникативных технологий, приемов и инструментов, работающих на достижение этнополитических целей.

Уже первые исследования, проведенные в рамках данного направления, показали: пропагандистское воздействие играет в интернет-пространстве едва ли не определяющую роль, выполняя разнообразные функции – информационно-коммуникативную, идеологическую и др. При этом исследователи особо выделяют *интегрирующую и дезинтегрирующую* функции, целью которых являются поиск единомышленников в глобальной сети и их консолидация [5].

В связи с расширением этнической тематики сообщений, распространяемых индивидами и социальными группами, ростом влияния некоторых виртуальных сообществ, субъектами политики вносятся существенные коррективы в тактику и стратегию пропагандистской деятельности, осуществляемой в Интернете.

Одним из наиболее эффективных по своему воздействию на массовое сознание приемов являются призывы, выполняющие роль средства этнополитической мобилизации. Однако до сих пор призывы изучались исследователями преимущественно в контексте офлайн-пространства [6, 7], при этом превалировал прагматический ракурс – для проведения экспертного анализа по требованиям Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [8].

Основные теоретические подходы к изучению проблемы

Призывы, трактуемые как особый тип речевого акта, отличительной чертой которого является публичность, стали одним из объектов исследований в области лингвистики и языкознания, журналистики и права, нашли свое отражение в юридических и социальных науках. Семантика и прагматика призывов подробно изучены и систематизированы А.Н. Барановым [6]. Эвристическая ценность подхода заключается в том, что исследователь рассматривает призывы в контексте общественно-политической коммуникации: авторами призывов могут стать как политические субъекты, так и представители общественных и неформальных организаций. При этом наиболее важным условием является желание автора призыва, чтобы адресат совершил в будущем некоторое действие. Среди условий успешности призыва исследователь выделяет и дополнительные характеристики. Во-первых, адресат должен быть в состоянии совершить действие, о котором идет речь, а само действие еще не

выполнено. Во-вторых, говорящий не считает очевидным, что адресат совершит действие без соответствующего речевого акта. Этот тезис развивает А.Т. Козлова, подчеркивая, что призыв предполагает форму совместного действия, однако при этом подразумевается свободное решение воли адресата [9].

Обычно призывы произносятся в актах публичной коммуникации – на митингах, собраниях, в политических дискуссиях и т.д. Этим продиктована и сложившаяся исследовательская традиция – изучать, в первую очередь, так называемое офлайн-пространство, где инструментом распространения выступают различные информационно-коммуникационные площадки и общественные институты.

В последние годы формируется тенденция расширения диапазона изучения среды публичных призывов. Это связано с развитием технологий, сети Интернет, новых социальных медиа и их интерактивных возможностей. Так, О.В. Демидов предлагает разграничить дискурс на тексты, опубликованные в традиционных и нетрадиционных СМИ, размещенных в социальных сетях, живых журналах и личных блогах [10]. Активность пользователей сети Интернет, использование мобилизационных и организационных возможностей онлайн-пространства увеличивают его рискогенность. Традиционно принято считать, что социальные медиа имеют высокий уровень воздействия на реальные действия. Призывы в сети, в этом контексте, могут быть рассмотрены как один из мобилизационных инструментов.

Существующая база технологий, методов и приемов выявления и анализа призывов позволяет обратиться к аналогичным исследованиям уже в онлайн-пространстве. Это открывает возможность более глубокого анализа существующей социальной реальности.

Вопросы выявления конкретных параметров призывов находятся в фокусе внимания М.А. Осадчего, выявившего критерии оценки продуктов речевой деятельности [7]. По мнению исследователя, публичные призывы к экстремистской деятельности характеризуются такими лингвистическими параметрами, как открытость, прямота, образ способа совершения действия и образ объекта действия. Автором выявлен так называемый базовый фрейм призыва: субъект – действие – объект. В работе Осадчего выделяются открытый и скрытый призывы, прямой и косвенный, а также предлагается собственная параметрическая судебно-лингвистическая модель экстремистского призыва. Приведенные характеристики стали основой методики интент-анализа твиттов, разработанной авторами данной статьи.

Это позволяет сделать вывод о существующем потенциале исследования в направлении выявления уровня речевой агрессии. Т.И. Стексова, анализируя интернет-комментарии, выделяет основные признаки, или маркеры, речевой агрессии, среди которых использование «ты-номинации», негативная номинация адресатов, активное использование негативно окрашенной просторечной лексики, а также генерализация – перенос качеств одной личности на всю генеральную совокупность [11]. Именно последний мар-

кер указывает на сформировавшийся образ врага, обладающего рядом присущих ему стереотипизированных черт и характеристик.

Методы исследования

Эмпирической базой исследования стали публикации сетевого ресурса Twitter, имеющие непосредственное отношение к разворачиванию столкновений на этнической почве, что является определенной степени уникальной тематикой. Анализ призывов в Twitter позволяет решить ряд задач: осуществить их классификацию, определить адресатов и типологию образа врага.

В основу исследования легли два наиболее резонансных и драматических события новейшей российской истории: конфликт на этнической почве в московском районе Бирюлево в октябре 2013 г. и так называемое дело няни Бобокуловой в феврале 2016 г.

Непосредственным поводом для наиболее массовых за последние 5–6 лет столкновений этнического характера послужило убийство в ночь с 9 на 10 октября 2013 г. мигрантом-азербайджанцем Орханом Зейналовым 25-летнего жителя московского района Бирюлево-Западное Егора Щербакова. Убийство было совершено с применением холодного оружия, на глазах девушки Щербакова, что не могло не вызвать широкий общественный резонанс. 12 октября общественный протест выплеснулся на улицы, а 13-го достиг своего апогея, поскольку к бушующей толпе присоединились группы фанатов. Вечером начались неуправляемые погромы ряда городских объектов, и прежде всего, Покровской оптовой овощной базы, которая, по мнению активистов, стала местом работы и жилья для большого количества нелегальных мигрантов и фактическим источником роста преступлений, совершаемых мигрантами. В ответ руководство Москвы ввело план «Вулкан», в результате которого все силы полиции и ОМОН были стянуты в Южный район. 14 октября полиция провела рейд, по итогам которого из 1 245 задержанных человек 214 оказались нелегальными мигрантами. Острая фаза конфликта на этом закончилась, тем не менее, события вызвали широкий резонанс в сетях: по данным Vox Populi, в российских социальных медиа было зарегистрировано более 175 тыс. упоминаний событий в Бирюлево с различной оценкой и выводами из случившегося [12].

Методом изучения твиттов стал интен-анализ. Этот метод вошел в исследовательскую практику относительно недавно, в самом конце 1990-х гг., благодаря работам отечественных ученых в области психолингвистики [13, 14]. К настоящему времени интен-анализ, появившийся на стыке ряда наук – психологии, лингвистики, политологии, семантики, занял прочное место: с одной стороны, он расширил диапазон эмпирических методов исследования, с другой, – доказал свою эвристическую значимость, особенно в предметном поле политической лингвистики. Указанный метод позволяет выявить скрытый смысл публичных речей, латентные намерения говорящего [15]. При этом коммуникативные интенции (под интенцией понимается коммуникативное наме-

рение говорящего) имеют двусоставную структуру: они обозначают объект и фиксируют отношение к этому объекту. Особую роль играет интен-анализ в изучении феномена так называемой лозунговой коммуникации.

В политической лингвистике принято понимать под призывом особый тип речевого акта, содержащего вербальный императив, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается семантической формулой: «Я хочу, чтобы ты сделал...». Исследователи выделяют несколько видов призывов [6]:

- призыв-лозунг (речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие: «*Все на выборы!*», «*Народы, остановим войну!*»);

- призыв-апелляция (апелляция к общественному мнению или к значимому политическому субъекту – «*Чуров, уходи на пенсию и учись на волшебника!*»);

- призыв-обращение (обычно вводится с помощью форм давайте и пусть – «*Пусть страна знает своих героев!*»; отличие призывов-обращений от призывов-лозунгов заключается, как правило, в наличии конкретного адресата: «*Мэрия, пусть чиновники-коррупционеры уйдут в отставку!*»);

- призыв-воззвание (в этом виде призыва в качестве адресата выступают довольно большие и аморфные группы людей, кроме того, это формальный документ, написание которого требует соблюдения определенных норм и правил. Например, обращение группы депутатов 1-й Государственной думы, так называемое Выборгское воззвание «*Народу от народных представителей*»).

В ходе интен-анализа авторами была проведена идентификация призывов на основе базового фрейма «субъект – действие – объект». Отметим, что смысловую нагрузку призывов может составлять как прямое указание на желаемое действие, так и опосредованное, через иллюстрацию результата этого действия. Согласно уже упоминавшемуся исследованию М.А. Осадчего, вербальная составляющая успешного призыва включает в себя наличие вербального императива («Я хочу, чтобы ты сделал...»), образа объекта действия и образа способа совершения действия (как сделал), образа адресата действия (кто должен сделать) [7]. Эти параметры стали основой определения призывов в контенте сети Twitter. Идентифицированы явные (эксплицитные) («*Выселяй хачей! #Бирюлево*») и скрытые (имплицитные) («*#Бирюлево что вы делаете? Расизм! Некрасивое слово! Экстремизм ещё хуже!*») призывы. Так, скрытым призывом является информация, подстрекающая к действиям, формирующее желание совершить это действие, но при этом явные императивные формы в таком призыве отсутствуют.

Адресант сетевого призыва рассматривался с позиций ряда характеристик: является ли призыв авторским («*Россия для русских!*») или цитируемым («*В толпе кричат “Россия для русских”*»), исключает ли говорящий себя из дальнейшей реализации призыва (призыв эксклюзивного действия; например: «*#Бирюлево Требуйте приезда Колькольцева!*») или сам готов к конкретным шагам, намерен повести за собой (при-

зыв инклюзивного действия, например: *«Подходите к ТЦ Бирюза – наведем порядок!»*). Дополнительно был идентифицирован такой параметр, как «образ способа действия», для оценки которого использовалась дифференцированная шкала от 1 до 3, где 1 – «действие неявно» (*«Бирюлево помните, что это реальность и что мы РУССКИЕ точно так не хотим жить»*; *«Москва - русский город! #Бирюлево»*), 2 – «несколько неопределенно» (*«Сделаем #Бирюлево белым!»*), 3 – «действие максимально конкретно» (*«Голосуй за визовый режим с странами Азии!»*). Аналогично по шкале от 1 до 3 была оценена степень указания на адресата призыва: 1 – «определен неявно» (*«Выселять! #Бирюлево»*), 2 – «определен широкий круг лиц» (*«4 ноября мы организуем уже IX #Русский-Марш ЭПО Русские приглашает ВСЕХ белых людей! За 14 слов! #Бирюлево»*), 3 – «адресат конкретен» (*«#Собянин выйди к людям! Поддай в отставку!»*).

Особую значимость в исследовании призывов имела задача выявления образа врага. Основанием для ее решения стали два ключевых параметра: первый, наиболее общий, – указание на наличие противника, даже если он обозначен предельно абстрактно (*«существуют те, с кем нужно бороться»*), и выявление степени враждебности по отношению к нему с помощью маркеров речевой агрессии. Результатом стала шкала 1–5, где 1 – «враг не обозначен» (*«Путин призвал российских мусульман помогать мигрантам с адаптацией»*), 2 – «подразумевается» (*«Подходите к ТЦ Бирюза! #Бирюлево Русские ВПЕРЕД!»*), 3 – «подразумевается и определен речевой агрессией» (*«После всего произошедшего: бойкот овощам! Жрём мясо! #бирюлево Новоедбаза»*), 4 – «враг конкретен, речевая агрессия отсутствует» (*«#Бирюлево конец преступному режиму Путина и притеснению русского народа!»*), 5 – «враг конкретен и определен речевой агрессией» (*«За визовый режим со странами СНГ, чтобы эта мразь, хачи не ехали в страну! #Бирюлево»*). Вторым параметром стала номинация конкретного противника (*«хачи, власть, СМИ»* и пр.) – здесь определялось, назван ли конкретный враг или нет (0 – образ врага отсутствует, 1 – назван конкретный враг). Такая многоступенчатая схема интент-анализа позволила более точно выявить коммуникационное намерение адресанта призыва.

Призывы как вид пропагандистского интернет-воздействия

За октябрь 2013 г. в сети Twitter были идентифицированы 3 734 пользователя, обращавшихся к теме конфликта в Бирюлево. Из них около 15% стали авторами явных и скрытых призывов – примечательно, что количество призывов в явной форме в два раза превышает число скрытых.

В то же время 54% (232) призывов носят эксклюзивный характер, исключаяющий автора из дальнейших действий, что может свидетельствовать о достаточно высокой неопределенности позиции респондента и желании дистанцироваться от активных участников столкновений.

Соотношение различных видов призывов распределилось следующим образом: в твиттах доминиру-

ют, хотя и не абсолютно, призывы-лозунги, они составляют 39%, когда адресатами выступает максимально широкий круг лиц (типичный вариант: *«Вся Москва – обошебаза! Вся Россия – #Бирюлево!»*); 34% составляют призывы-апелляции (*«Давайте послушаем звук разбивающихся бутылок #дождь #бирюлево»*); призывы-обращения к конкретным адресатам в количественном отношении относительно невелики – 27% (*«Егор Щербаков мы тебя помним #Бирюлево; Собянин должен подать в отставку в связи с событиями в #Бирюлево»*), и практически отсутствуют призывы-воззвания.

Особая проблема – дискурс вражды и идентификация образа врага. В 139 призывах (32%) адресанты прямо называют виновников, номинируя их как *«хачи», нерусские, кавказцы, мигранты, работники овощебазы и пр.* Авторы 116 призывов (27%) указывают на властные структуры как на главный источник столкновений (*«власть, режим, полиция, ОМОН, префект, мэр»* и т.д.). В большинстве случаев этих 27% образ врага имеет двойственный характер, т.е. номинируется сразу несколько объектов – *«мигранты»* и *«полиция»*, *«ОМОН»* и *«журналисты»*, *«режим»* и *«убийца»* и т.д. Показательно то, что рабочая гипотеза о мигрантах как тотально доминирующем образе врага не получила своего подтверждения. При этом авторы призывов практически не называют врагом конкретное лицо – убийцу Е. Щербакова, идентифицируя его с совокупностью рабочих мигрантов из Средней Азии. Это иллюстрирует сформированный образ врага через механизм генерализации.

Содержание призывов сводится к нескольким основным требованиям: закрытие овощебазы (и даже более кардинально: *«Нужны радикал. действия со стор.власти. Например, закр-е всех рынков и торг.точек, котор.принадлеж.мигрантам или в кот.они работают #Бирюлево»*); введение визового режима для трудовых мигрантов; поиск и наказание виновных в убийстве; наконец, требования к властным структурам изменить политический курс, носящие весьма размытый характер (наиболее типичный вариант такого скрытого призыва: *Зачем идти к овощебазе, когда есть администрация, префектура и тд? о_О#Бирюлево*). Полученные результаты в целом коррелируют с данными Фонда «Vox Populi» [12], выделившим на основе анализа публикаций в Twitter, Facebook, «ВКонтакте», Livejournal следующие призывы и требования: скорейшее и справедливое расследование Егора Щербакова – 50% пользователей; ужесточение миграционного законодательства – 18%; наказание за бездействие сотрудникам полиции и местным властям – 14%; закрытие Покровской овощебазы – 12% пользователей [Там же]. В то же время исследователями Фонда даже не упоминается вид призыва, наиболее конфронтационного с точки зрения вербальной агрессии (*Ребята, не сдавайтесь! Убирайте этих шавок беспородных своими методами! Надоели! На улице вечером не выйти, кругом одна чернота! #Бирюлево*). Между тем подобные ксенофобские по сути призывы являются основой для разворачивания конфликта и усиления социальной напряженности.

Вторым наиболее резонансным событием, выступившим в качестве объекта исследования, стало убийство в Москве няней Г. Бобокуловой, приехавшей из Узбекистана, своей 4-летней воспитанницы Анастасии Мещеряковой. Инцидент произошел 29 февраля 2016 г. и вызвал острое общественное обсуждение.

Убийство было воспринято как общее горе: прошли стихийные митинги, появились мемориалы в память о девочке, в поддержку родственников за сутки через социальные сети было собрано более 2,5 млн рублей. Духовное управление мусульман Москвы объявило о сборе денег в мечетях Москвы для семьи Мещеряковых.

Трагедия нашла свое отражение в социальных сетях: пользователи не только призывали поддержать пострадавшую семью, но и пытались анализировать произошедшее, обозначить виновных. Методика интент-анализа позволила выявить, что среди тематических сообщений доля призывов составила всего 3%.

Хронологически с марта по октябрь 2016 г. можно выделить три этапа обсуждения. Непосредственно в дни трагедии фиксируется общий ход событий, организуются помощь семье Мещеряковых, сбор средств, освещается создание стихийного мемориала у метро. Следует подчеркнуть, что на этом этапе доминируют преимущественно локутивные формы речевого акта – сообщения информируют о событиях или поступках. Пользователи выражают особое недовольство тем, что ряд СМИ предпочитают молчать о случившемся. Однако мнения разделяются: часть адресантов осуждает подобную политику, другая же часть придерживается мнения, что демонстрация кадров с места преступления противоречит существующей этике.

Второй этап активного обсуждения приходится на период следствия и вынесения приговора. Именно здесь зафиксировано наибольшее число сообщений и призывов с признаками речевой агрессии, осуждение действий суда и властей («Няню Бобокулову, туда самую первую включить, а ещё лучше вовсе расстрелять... #Бобокулова #няня #убийца #Россия»; «Расстрелять ее и сжечь как ведьму!!!! ЭТО ВСЕ, ЧЕГО ОНА ДОСТОЙНА!!! #Бобокулова #Путин #Россия #следствие»; «#новости #суды #Бобокулова Решение суда по делу Гульчехры Бобокуловой объяснить трудно»; «няня #Бобокулова вменяема, власть в России невменяемая, кот. бомбит детей в Сирии, "оппозиция" невменяемая, кот. молчит об этом.»).

Третий этап, пришедшийся на конец ноября, связан с обсуждением возможного выхода Бобокуловой на свободу. Он характеризуется новой волной протестных настроений, требованиями ужесточения миграционного режима. Именно на этом этапе приоритетными становятся перлокутивные речевые акты, декларирующие определенный результат. В рамках интерпретации данного случая складывается основная версия произошедшего: влияние гражданского мужа Бобокуловой определило ее желание уехать жить в Сирию, «в Исламском государстве, по словам самой фигурантки, она будет беспрепятственно ходить в парандже, жить по законам Шариата, учить законы Ислама». В итоге от личной трагедии семьи Мещеря-

ковых вектор дискурса смещается в сторону сирийских событий, ИГИЛ и терроризма.

В сетевой дискуссии вокруг «дела Бобокуловой» доминируют призывы-лозунги (52%), а количество призывов-обращений к конкретным адресатам зафиксировано на аналогичном уровне – 26%. Вместе с тем, как уже отмечалось, доля призывов ничтожно мала. Результаты интент-анализа фиксируют, что дело Бобокуловой значительно отличается от событий в Бирюлево в 2013 г. не только количеством призывов, но и содержанием дискуссии в сети. В большинстве призывов образ врага – конкретное лицо, а именно сама Бобокулова («Убийцу Бобокулову отпустили из-под уголовной ответственности! Это просто жест! Надо этой твари самосуд устроить! #самосуд #Бобокулова»). Вместе с тем в межэтническом дискурсе прослеживаются и попытки генерализации, когда мнения и суждения о частном лице превращаются в обобщенные определения и переносятся на всех представителей данной общности («Гульчехра Бобокулова – не российская гражданка. Почему не ввести визы?»; «Узбекистан бомбить будем? Чтобы террористы к нам не ехали. #ГульчехраБобокулова»). Лишь в небольшой части твиттов в качестве врага обозначена власть, позиция которой в этом случае идентифицируется с действиями суда и полиции («#Полиция которая не защищает Русский народ! Так что берегите себя сами, как говорится. #русскийнарод #бобокулова»). Нужно отметить, что меньшая часть призывов несет в себе признаки речевой агрессии – в большинстве случаев пользователи, даже апеллируя к радикальным действиям, не прибегают к экспрессивной лексике («Для таких как Бобокулова надо было возвращать смертную казнь»).

Выводы

Изучение роли пропагандистских технологий и приемов в офлайн-среде для организации массовых протестов становится актуальнейшей темой исследований. Особое значение приобретает эта проблематика в условиях эскалации этнических противостояний, развертывание которых носит тотальный характер.

Существующая теоретическая база, сложившиеся подходы к изучению в сети Twitter такого пропагандистского приема, как призыв, позволили решить ряд исследовательских задач.

Во-первых, осуществлен анализ призывов по комплексу параметров, включающих в себя типологизацию, семантическое содержание, уровень коннотации данных лексических единиц. Наиболее важным, с точки зрения практико-ориентированной составляющей, стало выявление целей призывов, адресатов и предполагаемых действий, чему в значительной степени способствовала интерпретация содержания эксплицитных и имплицитных призывов. Уровень агрессии, установленный на основе выделения и анализа двух семантических элементов – образа врага и маркера речевой агрессии, позволил прийти к следующим результатам: именно в призывах, содержащих точную номинацию конкретного врага

(мигранты, работники овощебазы, полиция, ОМОН, префект, мэр), отмечается более высокий уровень дискурса вражды, нежели в тех, где враг не указан либо его образ выглядит неопределенно. Примечательно, что гипотеза о тотально доминирующем образе врага – мигрантах не получила своего подтверждения.

Вторая важная задача – исследование образа врага. Сформированный образ врага получил свое отражение в феномене генерализации, который в этнических противостояниях способствует нагнетанию социальной напряженности. В описанных конфликтных случаях генерализация выступает фактически способом выработки простого ответа на сложные вопросы межэтнических отношений, в частности на вопрос, кто виноват. Анализ содержания призывов показал, что образ врага зачастую не связан с конкретным лицом – пользователи сети, с одной стороны, обличая виновных, переносят свои обвинения на всех трудовых мигрантов; с другой – перекладывают ответственность на власть и правоохранительные органы Москвы и всей России. Общий уровень социального напряжения, враждебного настроения фиксируется через довольно высокую степень генерализации. Это иллюстрирует один из

этапов создания в общественном сознании тотального образа врага – в большей части проанализированных призывов в качестве врага указано не конкретное лицо, а определенная общность.

В ходе исследования авторы пришли к выводу, что большинство призывов не нашли отражения в реальных действиях участников рассмотренных кейсов, так как хронологически основная масса призывов появляется в сети после событий-доминант. Это подчеркивает рефлексивный, «запаздывающий» характер контента в сети Twitter, отдельного изучения требует эффективность призывов в социальных сетях, уровень их мобилизационного потенциала.

Изучение призывов, других пропагандистских методов и приемов помогает вскрыть источники межэтнической напряженности и интенции участников противостояний и, соответственно, выработать контрсредства для профилактики и предупреждения открытых общественных конфликтов. Трансляция пользователями собственного восприятия событий в онлайн-пространство открывает для этого новые возможности и подчеркивает необходимость вести исследования на площадках новых медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харфф Б., Гурр Т. Подходы к анализу этнополитической мобилизации и конфликта // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М. : Едиториал УРСС, 1997. С. 16–17.
2. Esman M. Ethnic Politics. Ithaca : Cornell univ.press, 1994. 277 p.
3. Андреев А. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 105–114.
4. Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y. : Columbia univ.press, 1981.
5. Евдокимов В.А. Пропаганда в Интернете // Полис. 2012. № 4. С. 137–142.
6. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2007.
7. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18764000>
8. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. URL: <https://rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>
9. Козлова А.Т. Призыв как побудительное высказывание и его место в системе других побуждений. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/35827>
10. Демидов О.В. Противодействие экстремизму в публичных текстах: опыт лингвистических судебных экспертиз // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 179–184.
11. Стеклова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 3. С. 77–81.
12. Погромы в Бирюлево поддержали в соцсетях // Коммерсант. 2003. 30 окт. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2331679>
13. Слово в действии: интент-анализ политического дискурса / под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. СПб. : Алетейя, 2000.
14. Денисенко В.Н., Чеботарёва Е.Ю. Современные психоллингвистические методы анализа речевой коммуникации : учеб. пособие. М. : РУДН. 2008. 258 с.
15. Радина Н.К. Интент-анализ онлайн-дискуссий (на примере комментирования материалов интернет-портала ИноСМИ.ru) // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2238>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 марта 2018 г.

NETWORKING OF ETHNIC MOBILIZATION: EXPLORING THE ROLE OF APPEALS IN INTERETHNIC CONFLICTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/431/1

Vera A. Achkasova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.achkasova@gmail.com

Olga I. Trokhinova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olgatrox@gmail.com

Keywords: appeal; mobilization; ethnic conflict; Twitter; intention; intent analysis.

The article aims to identify the mobilizing role of propaganda tools in the online space in the unfolding ethno-political conflicts. Ethnic conflicts are the subject of close society's attention and scientists' research. Within the framework of the study of ethno-political mobilization, the analysis of appeals (as incitement) becomes one of the methods that contribute to the consolidation of various social actors. Over the past decades, various approaches to the study of appeals in the so-called offline space have been developed. The current situation forces us to shift the focus of research to the Internet environment. The subject of the study were calls and ap-

peals in the social network Twitter related to the two most resonant interethnic confrontations in modern Russian history – the pogroms in Biryulyovo (2013) and the so-called “The nanny Bobokulova’s Case” (2016). The research tools were the methods developed for the analysis of texts in juridical linguistics, primarily to identify calls in the general array of text units. Identified lexical units were subjected to intent-analysis to clarify their semantic content and direction, the formed image of the enemy. At the same time, an attempt was made to reveal the level of aggression of intentions. To correlate communicative messages on the Internet with real events, the case-study method was used. The result of the study was a multi-stage analysis of more than 3,000 appeals in the social network Twitter, which allowed to reveal the tendency of the enemy image formation in the mass consciousness, to understand who is guilty in the public consciousness. According to the participants of the network discourse, responsibility for what happened lies on labor migrants, representatives of another ethnos, and specific political actors. The trend of generalization of the enemy is traced, when mostly negative characteristics of a single representative of an alien ethnic community are extrapolated to the whole of this community. In addition, the bulk of appeals are of a reflective, reactive character, and the requirements articulated in them are mostly blurred. Nevertheless, calls as one of the propaganda methods have already proved their effectiveness in the offline space, and therefore deserve further serious study in social networks. The study of appeals, along with other propaganda methods and techniques, helps to reveal the intentions of participants in interethnic confrontations and, accordingly, to develop countermeasures for the prevention of open social conflicts.

REFERENCES

1. Harff, B. & Gurr, T. (1997) Podkhody k analizu etnopoliticheskoy mobilizatsii i konflikta [Approaches to the analysis of ethno-political mobilization and conflict]. Translated from English. In: Stepanov, E.I. (ed.) *Sotsial'nye konflikty: Ekspertiza, prognozirovaniye, tekhnologii razresheniya* [Social conflicts: Expert examination, forecasting, resolution technologies]. Moscow: Editorial URSS, pp. 16–17.
2. Esman, M. (1994) *Ethnic Politics*. Ithaca: Cornell University Press.
3. Andreev, A. (1996) Etnicheskaya revolyutsiya i rekonstruktsiya postsovetского prostranstva [Ethnic revolution and reconstruction of the post-Soviet space]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 105–114.
4. Rothschild, J. (1981) *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. N.Y.: Columbia University Press.
5. Evdokimov, V.A. (2012) Propaganda in Internet. *Polis*. 4. pp. 137–142. (In Russian).
6. Baranov, A.N. (2007) *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta: Nauka.
7. Osadchiy, M.A. (2012) Parameterization of verbal call in aspect of forensic linguistics. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Russian Journal of Education and Psychology*. 11 (19). [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18764000>. (In Russian).
8. Rg.ru. (2002) *O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti: Federal'nyy zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ* [On Countering Extremist Activity: Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>.
9. Kozlova, A.T. (2004) *Prizyv kak pobuditel'noye vyskazyvaniye i ego mesto v sisteme drugikh pobuzhdeniy* [The call as an incentive statement and its place in the system of other motivations]. [Online] Available from: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/35827>.
10. Demidov, O.V. (2013) Countering extremism in the public texts: the experience of forensic linguistics. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chelyabinsk State University Bulletin*. 21 (312). *Filologiya. Iskuststvovedenie*. 80. pp. 179–184. (In Russian).
11. Steksova, T.I. (2013) Verbal aggression in internet comments as manifestation of social tension. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3. pp. 77–81. (In Russian).
12. Kommersant. (2003) Pogromy v Biryulevo podderzhali v sotssetyakh [The pogroms in Biryulyovo were supported in social networks]. *Kommersant*. 30 October. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/2331679>.
13. Ushakova, T.N. & Pavlova, N.D. (eds) (2000) *Slovo v deystvii: intent-analiz politicheskogo diskursa* [The word in action: an intent analysis of political discourse]. St. Petersburg: Aleteyya.
14. Denisenko, V.N. & Chebotareva, E.Yu. (2008) *Sovremennye psikholingvisticheskie metody analiza rechevoy kommunikatsii* [Modern psycholinguistic methods of analyzing verbal communication]. Moscow: RUDN.
15. Radina, N.K. (2016) Intention analysis of online discussions (based on the example of comments on the materials of the Internet portal InoS-MI.ru). *Mediascope – Mediascope*. 4. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2238>. (In Russian).

Received: 16 March 2018